

Брайан Уилсон Олдисс
Птицы Марса
Серия «Сны разума»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6890023
Птицы Марса: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-083018-3

Аннотация

Итак, свершилось!

Человечество, профинансированное Соединенными Университетами Мира, основало на Марсе колонию.

Шесть башен, заселенных по лингвистическому принципу.

Несколько тысяч человек из разных стран, твердо намеренных сделать эту негостеприимную планету своим домом.

В условиях дефицита воды и воздуха, при строжайшей дисциплине выжить могут только самые отважные, беззаветно преданные идее строительства нового мира.

Трудности? Ну и что!

Испытания? Не страшно!

Однако за десять прошедших лет на Марсе не родилось ни одного живого ребенка...

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	19
5	22
6	26
7	28
8	32
9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Брайан Олдисс Птицы Марса

*Моим внукам из будущего
Лоренсу и Томасу
(Томас первым прочел этот трактат),
а также Джейсону, и Максу, и Бену,
ну и, конечно же, Арчи – с любовью от автора*

«Тот, кто, прочтя великое произведение сэра Чарлза Лайелля “Принципы геологии”, которое будущий историк признает как совершившее революцию в естественных науках, все же не захочет допустить всю громадность истекших периодов времени, пусть тотчас же закроет этот том».

Чарлз Дарвин

«О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь»

Ваша гипотеза о влиянии гравитации на развитие человеческого эмбриона просто поразительна; она чрезвычайно меня заинтересовала...

В теории эмбрионального развития имеется обширный пласт данных о той важной роли, которую деформирующие физические воздействия играют в процессе роста плода, тем самым давая все основания считать вашу гипотезу «облегченной гравитации» вполне правдоподобной (не говоря уже о ее оригинальности). Более того, ничуть не менее интересным представляется влияние измененной силы тяжести на работу сердца и кровотоков, тем более что плод не столь хорошо «оснащен» по сравнению с матерью.

Таким образом, вполне состоятелен вывод о том, что плодам с пороками развития грозит риск внутриутробной смерти или мертворождения.

Профессор Франк Маннинг,

отделение патологии беременности, Нью-йоркский медицинский колледж

Эта книга найдет чем порадовать тех, кто предпочитает гипотетичность взамен той вещи, что именуется реальностью – которая в их глазах до того прискорбна, что они порой требуют невозможного. А вот оптимисты, сетующие на недостатки текущего бытия, вполне могут надеяться на улучшение дел в будущем, в частности, среди безвоздушных марсианских пустынь, описанных ниже.

1

Мир без морей

К Марсу не подходит слово «пейзаж». Здесь скорее годится слово «панорама».

Итак, панорама была пронизана скромным драматизмом. Вулканы в этой части Фарсиды невелики и беспорядочно разбросаны. Место для поселения на Фарсидском щите выбрали за доступ к подземным источникам воды и относительно малые перепады высот. На восток тянулась короткая, хорошо утоптанная тропинка. По ней плечом к плечу шли мужчина и женщина, высоко подбрасывая колени из-за уменьшенной силы тяжести. На них были многослойные, толстые комбинезоны и дыхательные маски, коль скоро они находились вне атмосферной границы поселка.

Эта прогулка, сама по себе вполне примечательная, явилась следствием непростых событий и мероприятий, которые, в свою очередь, были вдохновлены открытиями марсохода «Кьюриосити», сделанными в 2012 от Р.Х. – когда ни одного из этих новых марсиан не было еще и в проекте.

Роой и Айми совершали свой ежедневный моцион. Здесь, в аскетическом лоне бесплодной планеты, они обнаружили то, чего никак не могли отыскать доселе. Отсутствие воздуха, стопроцентную видимость, ясность взора и ума, марсианскую оранжево-серую стерильность. Темнокожая, острая на язычок Айми любила называть Марс физическим проявлением системы жизнеобеспечения подсознательного.

Их окружал великий простор мира без морей. Та вода, что здесь имелаась, текла невидимо, под землей. Как всегда, новые марсиане продолжали свой путь, пока из-за горизонта, будто проблеск разума, не показалась макушка горы Олимп.

Сейчас они находились между двумя потухшими вулканами – Павлином на севере и Арсией к югу, причем до морщинистого подножия Павлина было рукой подать. В одной из здешних трещин обнаружилась крошечная колония сине-зеленых водорослей, что скрасило прогулку. Молодые люди решили, что это свидетельство древнего подземного русла.

Продвижение было небыстрым: левую голень Рооя покрывал гипс, чтобы не тревожить место перелома.

Маленький шарик Фобоса, взошедший на западе, сейчас стоял над Щитом, но его не было видно из-за ветра, поднявшего мельчайший песок. Далекая звезда Солнце, висевшая низко над горизонтом, заливала окрестности тусклым золотом.

– Меня беспокоит наше радостное настроение, – пожаловалась Айми. – А вдруг нас тянет сюда какая-то странная сила? Или мы вообще не здесь, а сидим где-то и галлюцинируем? Сам знаешь, какая тут тоскливая реальность.

– Да не только тут, – фыркнув, отозвался Роой.

На Земле один из скримеров провел опрос насчет шести марсианских башен, и вот что получилось:

КИТАЙСКАЯ: САМАЯ ИСКУСНАЯ
ЗАПАДНАЯ: САМАЯ ЭРУДИРОВАННАЯ
РУССОВОСТОЧНАЯ: САМАЯ АРТИСТИЧНАЯ
СИНГАТАЙСКАЯ: САМАЯ ЭКСКЛЮЗИВНАЯ
СКАНДСКАЯ: САМАЯ СПАРТАНСКАЯ
ЗЮЙДАМЕРСКАЯ: САМАЯ ЭКЗОТИЧНАЯ

– Может, есть что-то в выдумках по ходу дела, – заметила Айми. – Откуда им вообще известно, как тут живется?

– Хорошо еще, мы до сих пор в новостях, пусть и высосанных из пальца.

– Лучше уж во вставных номерах.
– А я вот каждое утро глаза открываю и восторгаюсь, – сообщил Роой.
– А потом ложишься каждый вечер и храпишь.
– Знаешь, в двадцатом веке был такой писатель, он как-то сказал: «Смейся – и весь мир будет смеяться вместе с тобой; храпи – и будешь храпеть в одиночестве».

– Энтони Берджесс¹. Ты уже рассказывал.

Повисло молчание. Было что-то в окружающей панораме, что требовало тишины. Кому-то это казалось подозрительным, кто-то этим восторгался – пусть и сам не понимал, чем именно.

Первым не выдержал Роой.

– Знаешь, чего мне больше всего не хватает? – спросил он. – Раджастана.

– Раджастан! – воскликнула Айми. Она сама родилась там, в семье индусов привилегированной касты. – А вот мне Фарсида его чем-то напоминает. Местами.

Она имела в виду лишь песчаные пустоши Раджастана, где на глаза попадется разве что заплутавший козел. И речи не могло быть о плодородных долинах, где олени устраивают гон в сени акаций.

Впереди высился могучий силуэт Западной башни. Впрочем, она не стояла одиноким перстом. Все шесть башен были возведены в пределах прямой видимости: не так уж скудно, чтобы создать иллюзию некой «общности», но, во всяком случае, достаточно близко друг к другу, чтобы их можно было принять за своего рода «декларацию о намерениях» – вот, дескать, человечество наконец-то сюда пожаловало и теперь пытается стать нечто большим, нежели глас вопиющего в пустыне.

Кстати, о голосах. СУ – Соединенные Университеты – создали каждое поселение не на политической, а на лингвистической основе.

В подземелья Западной башни вели трубы, подававшие воду, которую с год тому назад разведала поисковая партия под кодовым названием операция «Горизонт». Пары метана, истекавшие сквозь трещины планетарной коры, теперь улавливались и шли на кухонные и обогревательные нужды. Что сами башни, что марсианский проект в целом со всем своим хозяйством финансировались из средств СУ. Быт колонистов, таким образом, в полной мере зависел от щедрости землян.

Щедрость. Еще одна переменная в нескончаемой борьбе за власть на старушке Терра: краник, который запросто перекрыть.

Поглядывая на серую башню, Роой проворчал:

– И снова здравствуй, жизнь подземная... – Он был механиком и подавляющую часть времени проводил ниже поверхности грунта.

Оказавшись внутри зоны воздушной локализации, Роой с Айми смогли наконец снять маски и дышать без них, пусть и неглубоко. Через год-два – ну может, три – скромная подкупольная атмосфера достигнет нормальных показателей. Все шесть башен стояли внутри этой зоны, накрытые колоссальной чашей, чьи сегменты соединялись фрикционной сваркой. Местный воздух состоял по большей части из азота, куда подмешали 21,15 % кислорода. Периферийные уплотнения почти полностью удерживали атмосферу внутри, но все равно лишь немногие колонисты отваживались подолгу находиться вне башен без дыхательных масок.

Вбивая код, Айми заметила:

– И опять нам нужно новое слово. «Подземный» на Марсе не годится.

¹ Неточная цитата, должно быть: «...храпи – и будешь спать в одиночестве». В свою очередь, Берджесс обыграл высказывание американской поэтессы Эллы Уилкоккс (1850–1919): «Смейся – и весь мир будет смеяться вместе с тобой; плачь – и будешь плакать в одиночестве». – *Здесь и далее примеч. пер., если не оговорено иного.*

Шлюз открыл смотритель по имени Фипп; нахмурившись, он знаками приказал молодым людям поторапливаться. Должность начальника досмотрового тамбура при воздушном шлюзе считалась очень ответственной. Прежде чем впустить кого-либо внутрь, автоматические экспресс-анализаторы проверяли кровь, пульс и зрение, что чем-то напоминало блок-пост в зоне боев.

На все про все уходило пятьдесят пять секунд, если, конечно, автоматика не решала, что требуется вмешательство человека и, может статься, даже лечение. Впрочем, широкие массы колонистов презирали эту разумную предосторожность. Презирали, хотя Марс накладывал свои собственные ограничения на ход времени. Взявшись за руки, Айми и Роой ждали открытия шлюза.

2

Свобода

– «Sub specie aeternitatis»² – это мы, – сказала Ноэль, занимавшая выборную должность коменданта Западной башни. – Хорошо еще, что этой «aeternitatis» кругом сколько угодно. Наша функция: заполнять – что? – пустоту. И обсуждать те абстрактно-жизненно-важные вопросы, которыми человечество задается... м-м... в общем, с того дня, когда с четвертичного дерева свалился первый крошка гуманоид. Итак, кто желает начать?

Женщина, которую земной компьютер наделил именем Шия, спросила:

– Так мы кто, Ноэль: элита или отребье?

Комендант надломила изящную бровь.

– Я предпочитаю называть нас элитой.

– Вот мы расположились на Фарсидском щите, набившись в шесть башен. Ах, как мы гордились, что попали в круг избранных... Но в самом ли деле это такая уж честь? Может, нас попросту вывезли сюда, чтобы мы не лезли в гнусности, которые затевают на Земле?

– Вопрос риторический, и задаваться им смысла не имеет, – последовал ответ. Ноэль говорила намеренно легким, небрежным тоном, зная, через что Шии придется пройти во время беременности.

* * *

Перспективы мудрого и спокойного земного будущего рассыпались как карточный домик под ударами судьбы и исторических случайностей. Лишь изредка встречается страна, живущая в мире с собой и с соседями. Преследование счастья – занятие само по себе не такое уж и благородное – в общем и целом уступило место жажде разгула и смертоубийства. На свет явились оголтелые и мстительные нации, кишачие безграмотными рабами из ветхозаветных писаний.

Чем сварливее нация, тем примитивнее ее проповеди.

Порой наталкиваешься на страну, где царит вроде бы тишь да гладь, – в своем большинстве это полицейские государства, где несогласие безжалостно подавляется, и лишь у самой верхушки есть некое подобие свободы передвижения.

На планете Марс все иначе.

С другой стороны, Марс не перенаселен.

* * *

Людскую колонию на Марсе не обошли стороной людские напасти. Но здесь в кои-то веки победило благоразумие – может, оттого, что у местных башен невелика численность жителей, которых к тому же тщательно просеяли.

По ночам, лежа в постели, Ноэль всегда вспоминает великого Мангальяна.

Те избранные, что поселились на Щите, должны либо преуспеть, либо сгинуть. Они подписали договор и уже никогда не вернутся на планету, с которой – то ли во имя прогресса, то ли в поисках приключений – они самих себя отправили в ссылку.

² Игра слов. При точном переводе с латыни это выражение означает «с точки зрения вечности». С другой стороны, для англоговорящего читателя оно звучит почти как «вечный подвид».

Здесь, на Марсе, есть множество мелких ограничений. Скажем, все подлежит повторной утилизации, даже человеческие экскременты. Или, например, домашним любимцам в башнях не место. Психотропные субстанции недоступны, и даже если их как-то раздобудешь, то употребление категорически запрещено.

Вполне возможно, что марсианский проект своей стабильностью обязан нехватке кислорода и увеличенному расстоянию до непредсказуемого Солнца. Психология здешних ссыльных, как мы с вами увидим, вышла из-под гнета веры в диктат непостижимого Бога.

3

Замысел Мангаляна

Оказаться на Марсе...

Этот едва ли не эволюционный скачок обязан своим существованием небольшой группе просвещенных мужчин и женщин. Последовав совету выдающегося Герберта ибн Сауд Мангаляна, учебно-научные институты развитого мира объединились в конце прошлого столетия в рамках хартии, которая, по сути, возвестила о создании могучей корпорации мудрецов, а именно Соединенных Университетов. Первым делом СУ отправили к нашему планетарному соседу парочку гидрологов.

Распутная юность Мангаляна³ прошла в Сан-Сальвадоре, островном государстве поблизости от Кубы, где он помог нескольким женщинам обзавестись детьми. Его вдохновлял божественный наказ «раститесь и множитесь». Лишь после официальной женитьбы на Бет Гал – оба с радостью предались этой устаревшей церемонии – он сам себя перевоспитал под влиянием ее очаровательного, но несговорчивого характера. На некоторое время они с Бет прервали всяческие контакты с окружающими. Занимались чтением и самообразованием, вели увлекательную жизнь затворников.

Сообща написали книгу, имевшую масштабнейшие последствия. Называлась она «Неустановившийся режим, или Начнем все заново»⁴. Согласно обычаям той эпохи, в произведение были встроены видеофильм и несколько скримерных снимков. Авторы утверждали, что живущее на Земле человечество обречено на гибель. Единственный выход – отправить лучших из лучших туда, где они смогут приложить все усилия ради создания цивилизации в истинном смысле этого слова. Скажем, на Марс и так далее. Мысль, рассчитанная в первую очередь на сенсационный эффект, но оттого не менее убедительная.

Заявление взбудоражило немало западных умов и привело в ярость еще большее число обитателей Ближнего Востока, как оно, собственно, и бывает, стоит только сказать правду в глаза. Широкая общественность обратила свой взор на Мангаляна.

Это был приятный молодой человек, рослый, подтянутый, с гривой иссиня-черных волос – и несомненным даром трепать языком.

* * *

Впрочем, по-настоящему люди взялись читать его книжку, а сам он прославился лишь после знаменитой сентенции: «Ни легких, ни пенисов не сосчитаешь. Да у нас скорее кислород кончится, чем семенная жидкость!» В ходе одного из интервью Мангалян пояснил: «Сперма всегда в моде».

«Симпатия» – именно так многие выражали на своих разнообразнейших наречиях восхищение Мангаляном и черную к нему зависть. Взяв его книгу за источник вдохновения и руководство к действию, горстка интеллектуалов предприняла попытку объединить вузы, сочтя это первым шагом на пути к новой, удаленной цивилизации. Не приходилось сомневаться, что Мангалян был первейшим и важнейшим пропагандистом слияния в СУ.

Хотя многим эта идея пришлась по вкусу, отыскалось ничуть не меньше тех – в основном из числа старожиллов трущоб, трейлерных поселков и районов для малоимущих, – кто пришел в бешенство от заложенной в эту концепцию идеи элитаризма.

³ Между прочим, на санскрите «мангаляна» дословно означает «марсианская колесница».

⁴ Краткий обзор этого труда приведен в конце данного текста. – *Примеч. авт.*

Пришлось юному Мангальяну, не обремененному университетским дипломом, стать главой – правда, номинальной – вновь сформированных СУ. Он отлично понимал, что каким бы ярким светилом ни возшло всеобщее внимание, интерес толпы быстро закатывается за горизонт. Приехав по приглашению в Англию, он созвал представителей трех ведущих вузов и обрушил на них ворох проблем, связанных с объединением.

– Всякий знает, что ваша нация без ума от футбола, но QPR и QED⁵ вовсе не обречены на антагонизм. Мяч в сетке – вещь замечательная, однако набрасывать сеть на новые факты ничем не хуже.

Он излагал поверхностно и тем не менее заработал себе выигрышное очко. Три первых вуза подняли порфирно-голубой флаг СУ.

Впрочем, кто-то из политиков-лефтистов не преминул заметить: «Слова подыскивает Оксфорд, зато деньги дает Китай...» И то правда, пусть об этом не любят говорить, что нынче проекты НАСА держатся на плаву благодаря пекинской валюте; маловероятно, чтобы в случае СУ хоть что-то изменилось.

Понукаемые юным импресарио по имени Мангальян, многие вузы согласились присоединиться к первой тройке, создав нечто вроде государства-общины новых эрудитов-олимпийцев. Мангальян заговорил о колонизации Марса. «МАРС, – заявил он, – означает Место Абсолютно Разумного Совершенства». Кто-то рассмеялся, кто-то показал язык, но колесики наконец закрутились.

Еще до того как университеты поставили свои подписи на бумажках объединяющего договора, на Марс был выслан дуэт исследователей-разведчиков. Поверхность планеты уже давно сняли на пленку, но вот ступить на нее пока что никому не довелось.

Разведгруппа операция «Горизонт» состояла из двух мужчин и робокара. При всей своей скромности эта экспедиция была тем фундаментом, на котором строилось будущее марсианского предприятия в целом. Если удастся обнаружить воду, да еще в достаточном количестве, то проекту дадут отмашку; в противном случае великая инициатива СУ пойдет ко дну с той же неизбежностью, что и «Титаник». Все зависело от двух знатоков-гидрологов и новомодного робокара-марсохода.

С этим механическим выючным мулом можно было общаться голосом через скример на дальности до одного километра. Он нес на себе снаряжение. Кроме того, робокар укрывал людей от холода на период сна, а также позволял заправить баллоны кислородом.

Пока мудрецы-электронщики и юноши с инженерными дипломами и горящими глазами колдовали над марсоходом, всюду шел отбор гидрологов. Удача улыбнулась пятидесятишестилетнему Роберту Прествику и шестидесятиоднолетнему Генри Симпсону, который прославился проектом лунного купола. Прествик обладал мясистой фигурой и выбритым до синевы подбородком. Симпсон отличался не столь мощным телосложением и был на голову ниже своего товарища. А про марсоход я уже намекал, что он был с иголочки.

Гидрологи были знакомы вот уже лет тридцать, порой сообща трудясь над разными проектами. Впервые они встретились в Чили, на Паранальской обсерватории, которая некоторое время страдала от наводнений. Сейчас они шутили: дескать, смотри-ка, теперь гидрологов решили бросить на безводную планету...

* * *

Поначалу все именно так и выглядело. Первым делом разведчики выполнили гидрологическую съемку самой выдающейся черты марсианского ландшафта, а именно так назы-

⁵ Футбольный клуб «Куинз парк рейнджers» и *quad erat demonstrandum*, «что и требовалось доказать», традиционная латинская формула, завершающая доказательство. – *Примеч. авт.*

ваемых долин Маринера – колоссальной раны глубиной в одну и протяженностью чуть ли не две тысячи миль. Завывающие ветра, мчавшиеся по колоссальной расщелине с востока на запад, несли с собой песчаные бури. Эта неприветливая местность заставила людей обратить взор к северу, на куда более перспективную область. Робокар доставил группу к Фарсидскому щиту, что лежал к югу от древнего исполина, потухшего вулкана Олимп, чей тезка некогда считался обителью богов. Если разведка увенчается успехом, путь на Марс будет заказан любому, кто верит в Бога.

* * *

– Дома такое увидишь разве что в декабре, где-нибудь полпятого вечера. Стало быть, у нас тут полночь, – неодобрительно буркнул Генри Симпсон на сгустившиеся сумерки.

– Не ворчи, – отозвался Прествик. – Бог по крайней мере дал нам эту планету, чтоб мы ее употребили на пользу... Стой! Кажется, унюхали воду!

Он ткнул рукой в дисплей, и его настроение полностью переменялось. Робокар шел медленно; на его мониторе змеилась зеленая мерцающая жилка. Группа остановилась для углубленной проверки.

– Девять и четыре десятых фута под землей.

Прествик на миг задумался, на что была бы похожа жизнь, если здесь поселиться. Ему уже приходилось бывать в крайне неудобных местах на родной планете. А тут как раз ничего и нет, кроме унылой пустыни, хоть с водой, хоть без...

Приблизился Симпсон, уставился на монитор поверх плеча своего коллеги.

– Ага, неплохо! Чем ближе к поверхности, тем лучше, но она не должна быть льдом.

При очередном проходе зеленые галочки слились в сплошную полосу. Полоска начала бледнеть, а потом и вовсе пропала. Симпсон почесал в затылке.

– Вышли за границу простираения, – произнес он на удивление спокойным тоном.

Затормозив, Прествик деловито предложил:

– Ну что, двинемся назад?

К обоим гидрологам вернулась привычная невозмутимость.

– Не спеши... Тут что-то...

Симпсон наморщил лоб. Ему показалось, что доносится еле слышный гул и какое-то капанье, словно из подтекающего крана. Шумы исчезли, затем вернулись, причем на сей раз капало громче.

– Определенно здесь что-то есть. Вероятно, вода. – Симпсон поежился: звуки к себе не очень-то располагали. – Не лошадь же мочится по соседству, в самом деле, – кисло добавил он.

Сейчас и у Прествика лоб собрался в складки. Переглянувшись с напарником, он скривился. Оба отлично понимали, что заброшены на недружелюбную планету, а это открытие автоматически продлевает срок их командировки. Обидно: еще бы с недельку бесплодных поисков, и они уже мчались бы домой. Как раз к Рождеству. Увы, теперь грозит переработка, пусть и очень хорошо оплачиваемая.

– Поддай-ка вперед, – обратился Симпсон к марсоходу. – Только потихоньку, понял?

Хрустя щебнем, они поползли дальше, не сводя взгляд с монитора. На экран опять вдруг выскочила зеленая полоска, раздалась в ширине. От нее ответвилась тонкая жилка, уходившая за край изображения. Изменился и звук: сейчас к нему подмешивалось гудение, будто кто-то немзыкально мычал себе под нос.

Полоска расширилась еще больше, напоминая вену.

– Сколько до зеркала? – спросил Симпсон.

– До-верхней-границы-эхосигнала-девятнадцать-запятая-девять-футов, – бесстрастно откликнулся робот.

Гидролог вздохнул.

– А до дна?

– До-нижней-границы-эхосигнала-двадцать-восемь... поправка... двадцать-девять-футов.

Напарники переглянулись.

– Целое озерцо? Неплохо.

– Только не забудь пометить, а закартографировать подробнее еще успеем.

Они выбрались наружу и стояли с подветренной стороны вездехода, пока тот устанавливал цветной маркер с внутренней кодировкой, которую мог считывать любой другой робот, если, конечно, он тут хоть когда-нибудь появится.

Безрадостная мысль. И вообще вся эта экспедиция сплошная тоска. Должно быть, здесь так и останется пустыня на веки вечные. Симпсона передернуло.

Гидрологи приступили к трассировке. Когда карта была готова, на разведчиков смотрело пятно в форме паука, от озерца-живота которого тянулись многочисленные лапки. Разведчики не испытали ни радости, ни огорчения. Они просто решили устроить привал.

– Мы с тобой уже не первой молодости – даже ты, – вздохнул Прествик.

– Шутить изволите.

* * *

Втиснуться в узкие карманы лежаков было нелегко, тем более что спать приходилось, в чем были одеты: в утепленных комбинезонах, с дыхательными масками и сапогами. Симпсон вылез наружу и, привстав на цыпочки, заглянул поверх крыши вездехода. Марс походил на старинную черно-белую иллюстрацию, одну из тех, что печатали в давно отмерших бумажных газетах начала двадцатого века. Там и сям торчали немногочисленные загадочно-угрожающие силуэты непонятно чего – эмблемы некоего космического беспорядка. В нескольких шагах от Симпсона стояла его жена Кати.

Он было окликнул ее, однако звук замер, не долетев. Чем ближе Симпсон придвигался, тем большим свинцом наливались ноги. Над макушкой мельтешило что-то белое, но голова отказывалась смотреть вверх.

– Бог ты мой, до чего здесь гладко... – Ему хотелось сказать «гадко», но не получилось. – Фсе ижжа гравитации, – пояснил он сам себе. – Убы одлябли.

Где-то впереди торчала гора Олимп. Как титька. Как у жены.

– Кати! – крикнул он. В нарушение законов перспективы она отдалялась с каждым его шагом. Голова будто перевернутая сосулька. Без лица. На плечах плащ с длинным шлейфом. Симпсон пустился бегом. – Постой! Постой!

А она и не думала двигаться. Просто стояла и таяла.

На месте Кати высился ледяной палец-«монах». Скалистый шпиль, закутанный в многослойную мантию из инея. Вещь негодная для любви, разве что для ненависти.

– О-о, не надо так... – взмолился Симпсон.

Мир был пуст. В зените висела крошечная далекая искорка.

– Ужас по имени Деймос... – Симпсон перешел на шепот. Он подписался на все это предприятие, лишь бы убежать от собственного одиночества, что нахлынуло после смерти жены. А в результате? Да здесь вся планета гудит эхом одиночества...

Его жена уже никогда не ступит на Марс. Об этом месте и сам Господь не слыхивал. Вот почему оно оставалось незанятым и нежеланным. «Продам в хорошие руки». Симпсон рухнул на колени.

Словами не выразить, насколько перевернулось все его существование со смертью Кати.

Он лежал, застигнутый своего рода параличом. Глупо утверждать, что он не горевал по ней. И точно так же будет глупо умолчать, до чего... интереснее... стало жить.

А что, если это и впрямь была Кати? Что, если это *он* сейчас умирает? На снежном смертном одре...

Над ним склонялся Прествик. Донеслось озабоченное:

– Дружище, что с тобой?

Симпсон пришел в себя – будто всплыл из пучин океана.

– Приснится же такое... Что за жуткое местечко – Марс! С какой стати кому-то вообще захочется тут жить? Как на кладбище, честное слово!

Прествик объяснил, что его коллега издавал во сне странные звуки, и посоветовал принимать на одну снотворную пилюлю больше, после чего вообще сменил тему.

– Помнишь, в свое время астрономы считали, будто за орбитой Плутона есть еще одна крупная планета? Потом они заявили: мол, нет там ничего, хотя позже обнаружилась Эрида. Вот к ней теперь и устремятся. Она лежит за поясом Койпера.

Симпсон ничего не понял; в голове по-прежнему бултыхалась жижа сновидения.

– Господи, с каким удовольствием я бы сейчас выпил... Этим сволочам что, жалко было дать нам в дорогу бутылочку рома?

– А-а, так ведь ром стоит денег. И нас сюда заслали не пьянствовать.

– Я бы этих трезвенников...

Наступила мрачная тишина, пока Прествик не нажал наконец кнопку на панели:

– Робот, пару чашек кофе.

– Одну-минуту.

Когда Прествик заговорил вновь, его голос звучал не столь уверенно:

– За эту работу нам платят хорошо, спору нет. Я, к примеру, до сих пор рассчитываюсь с колледжами за обучение сыновей. С другой стороны, у нынешнего задания есть очень неприятные особенности. Если этот СУ-проект выгорит, религию поставят вне закона по всей планете. Понаедут сплошные атеисты.

– Да плевать. Пусть хоть черту сбавят этот Марс.

Престон присел на лежаке, обхватив руками колени.

– Не скажи. Я серьезно. Понимаешь, с годами начинаешь смотреть на вещи глубже. Потребности, сожаления, желания... То, как работает импрессионный участок мозга... Я по молодости только и был озабочен, как бы с кем-то переспать. Помнишь ту работу в Чили? Я тогда подцепил... а может, это она меня подцепила?.. В общем, была такая Кармен. Я-то думал, развлечемся ночью да разбежимся, а оно возьми и затянись... Странная это вещь. То были сами по себе, а то вдруг вместе, да еще как... Она так мило умела смеяться... – Престон задумчиво умолк. «А ведь еще никто и никогда не смеялся на Марсе». – Кармен! Помнится, до ее дома добирались на древнем автобусе. Она держала меня за руку, ладонь шершавая. А у меня гладкая-прегладкая – встреча двух миров, – даже неудобно стало. Все заморское брало за душу. Хлебом не корми, дай только отыметь кого-то из местных... Она жила в маленьком поселке под Сантьяго. В город подалась на время; слышала, мол, туристы-иностранцы при деньгах, вот и решила слегка подзаработать, ерзая на спине. Так оно и вышло. Но знаешь, ее дом... Господи, я и не думал, что на свете бывает такая нищета. Она жила в лачуге, а сбоку типа навеса... как бы сарай, что ли, с крышей из жестяной гофры, где держали осла с тележкой...

– Ты мне все уши прожужжал своими ненаписанными мемуарами! – насмешливо отозвался Симпсон. – Хорошо еще, не про хронический запор и боль в гонадах, как прошлый раз. Извращенец.

– ...Передать не могу, как было здорово находиться рядом с ней. Вот он, подлинный мир – до того всамделишный, что у меня после нее даже краник подтекать начал. Спали на голом матрасе. У нее был какой-то мужик, но он свалил, едва родился ребенок. На время отлучек за дитем присматривала бабка. Она же и осла кормила. Уж эта старушка знала, каким сволочным бывает племя в штанах... А Кармен все нипочем. Характер от природы – во! – не прошибешь. Тяжеленькие такие, аккуратные титьки, немножко с растяжками. Заранее ждала от мужиков, что они будут бросать своих баб, пускай те как знают сводят концы с концами да детей растят. Вкалывала как проклятая, развозила что-то на осле этом с тележкой... Ладно, извини. Увлёкся. Просто знаешь... ну... уж очень богатый жизненный опыт.

– Интересно, какая доля женщин живет примерно как Кармен? – отозвался Симпсон. – Сдается мне, отыщется немало местечек похуже, чем Сантьяго.

– Видел бы ты ее взгляд по утрам... Чистая львица, ей-богу... Тьфу ты, вот я завелся, спасу нет! Седьмой десяток не за горами, вроде уже не мальчик. Но есть женщины, которых хоть убей не забудешь.

– Вольному воля, – позевывая, сказал Симпсон. – Что до меня, то я в Сантьяго предпочитал снимать гостиничных девок классом повыше. То что надо для койки и полнейший ноль для души. Тепленькая внутри, холодная снаружи.

Появился кофе в двух запечатанных пластиковых чашечках.

– Я к тому клоню, – продолжал Прествик, отхлебывая безвкусную жидкость, – что Кармен ничего не знала. Ни крошечки из той груды умствований, которая нам так знакома. Всяческие городские премудрости. И при этом разбиралась в вещах, нам недоступных. Когда дадут электричество на один час, в каком месте можно зачерпнуть чистой воды из реки, как сегодня чувствует себя старый ослик, как починить колесную ось, как пользоваться уличным сортиром, никому не мешая, как поддерживать огонь в очаге, чтобы не спалить всю хибару, как печь лепешки... всего не перечислишь. Наука выживания. Или как поддерживать отношения с местным священником. Я его, кстати, встретил. О них любят посплетничать, но это был воистину святой. Не задумываясь, помог бы Кармен, если б, скажем, у ее осла появилась копытная гниль... А всякий раз, когда они с матерью начинали жаловаться на жизнь, он отвечал: «Ничего страшного. Христа – и того распяли...» Мне довелось с ним пересечься. Его звали Феста, или что-то в этом духе. И знаешь, я до сих пор не забыл тот разговор. Так вот он заявил, что мужики идиоты. Потому как не ценят женщин, а ведь те дарят жизнь. Сказал, что есть женщины с особыми качествами. И для примера назвал Кармен. Дескать, появляется чувство уюта – так и сказал: именно уюта, – стоит только о ней подумать. Он не имел в виду сексапильность, потому что им, священникам, не положено испытывать половое влечение. Но даже вдали от нее ощущался уют... Гм, уют... Мы сидели, пили местное вино. И вот он говорит, священник этот, мол, просыпаюсь порой по ночам, весь горю, уж так ее хочется... А я-то с ней спал. Отлично понимал, о чем бормочет этот бедолага... – Прествик на секунду умолк. – А с другой стороны, у массы баб... – Он не договорил, и слова растаяли в безбожной ночи. – Нутром чую, промашку мы дали. У нас, на Западе. По-другому бы надо...

Он вновь помолчал.

– Меня послушать, так можно решить, я в том поселке годами жил. А провел-то всего два дня. Крысы меня доставали. Мы такие изнеженные... Но Кармен – да почитай, все местные – уж не знаю как, но у меня мозги по-другому заработали.

Симпсон просто ответил:

– Завидую. Честно.

– Эх, Кармен...

Между ними упало молчание, только слышалось, как губы отхлебывают жидкость.

– Я понимаю, о чем ты, – наконец сказал Симпсон. – Серьезно. Прямо-таки декорация к фильму «Простая жизнь». А если твои дети заболеют? Или ты сам? Кстати, этот ее бывший мужик, скот двуногий. Что там с ее триппером? К врачу ходила?

– Да не мог я там оставаться. Ты бы тоже не смог. Меня-то подлечили, когда я вернулся. Симпсона уже не тянуло на продолжение беседы.

– Слушай, давай отключим запись, а? – предложил он, но Прествик будто не услышал.

– Я не мог... мы не могли жить в Чили. Если честно, жуткая страна, жуткая политика. За все спасибо Хартии вольностей. Но ты задумайся, в каком мире мы вообще живем? Сами себе мозги промываем и за это же себя корим. Да и то, насколько известно, наши мозги лепились по ходу дела: сначала какие-то морские чудища, чтоб им пусто было, потом вышло нечто вроде обезьяны. И тут как ни тужься...

Симпсон застонал:

– Боб, хватит, я тебя прошу. Уже тошнит от вечных напоминаний: дескать, мы все спустились с деревьев. Во-первых, мы давно не обезьяны. Тут, знаешь, большая разница. И во-вторых, ты хоть раз видел обезьяну-гидролога? Президент банка – еще куда ни шло, но чтоб она была гидрологом?

– Да нет же, дружище, я не об этом. Просто хотел сказать, что спасибо Дарвину со товарищи, нас освободили от Ветхого Завета. Я в восторге. Некогда мы были простой деревенщиной, считали Землю центром мироздания. Эволюционные перспективы куда волнительнее, чем любая из всех прочих теорий. Но... такое впечатление, что нам до сих пор требуется вера. Вера, понимаешь? Любая. Сдается мне, наши с тобой мозги – пардон, мозги современного человека – под завязочку забиты ошибочной верой. Конторской макулатурой. Верой в информацию. Обо всем и ни о чем. Может статься, родилась эта вера в день бомбардировки Хиросимы, чему сто лет в обед. Так вот с тех самых пор мы алкаем знаний: про квантовую теорию, массу, энергию, пространство и время, ДНК, нейроны-протоны, космологию-геологию, кредитную карточку и элементарный скример. Про все биты информации, рассыпанные по нашим столам. Вот в чем наша вера. Бог-отец, Бог-сын и прочие отправлены в ссылку взамен чего? А вот чего: Ее Величества Экономики, безбожной и неблагодарной Экономики. И как всякий верующий – где угодно, в любую эпоху, – мы сами не догадываемся, во что это обошлось человеческому духу... Кармен – католичка. Она расплатилась триппером. А мы, носители ментальной гонореи, депортируемся на Марс...

«Тебя уже несет», – хотел сказать Симпсон, но не решился.

Генри не привык к подобным разговорам. Конечно, после смерти жены он уже не так часто играл в гольф, отдав предпочтение артистическому клубу, где обсуждались самые разные вещи, но даже сейчас ему не хотелось спорить с Прествиком. Вместо этого – сам понимая слабость аргумента – он заметил:

– В этом есть и немало преимуществ. У меня, например, диагностировали болезнь Альцгеймера – и вылечили. Да Бог с ним, с прошлым; смотри какие у нас нынешние выгоды.

– А-а, тебе не нравятся напоминания о прошлом? Как и о прародителях-обезьянах?

Симпсону уже становилось не по себе. Он ответил, начиная заводитьсь:

– Я читаю современные романы. Не думаю, что возьму в руки роман десятого века – если они вообще существуют.

Прествик достал старомодную книгу в бумажной обложке и поднял яркость своего фонарика.

– Генри, ничего, если я тебе кое-что прочитаю вслух? Это про одну женщину времен двенадцатого столетия, хотя биография написана позднее, после ее смерти. Вот взял с собой, и это при том, что пару раз ее уже читал. А все потому, что здесь описана разительно иная жизнь. Все по-другому и в то же время похоже... Ее звали Кристина Маркиэйтская.

– Не удивляйся, если я засну, – предупредил Симпсон.

– Ничего, если что, взбодрю пинками. Так вот эта юная особа, нареченная при рождении, между прочим, Феодорой, прожила свою жизнь девственницей. Не как нынче, не как моя Кармен. Не важно. В общем, ей так хотелось. И вот она стала невестой Христовой. Пусть даже сам Он не обращал на нее никакого внимания... Девушка она была умная, самостоятельная, но родителям – точь-в-точь как сейчас – втемяшилось в голову замужество. Обручили нашу глубоко религиозную скромницу с неким Беортредом, причем хитростью. Она и поклялась, что ни за что не даст себя испоганить. Сравни с нашими временами... Отец притаскивает ее к настоятелю, и тот спрашивает: «Как смеешь ты позорить родителей?»

Симпсон глядел в марсианскую тьму, где горели звезды, и молчал.

– Она возразила очень достойно: «Все чтят вас за знатока Святого Писания, вот и ответьте мне, будет ли злом брак, куда меня загоняют силой, если я сама против и к тому же нарушу при этом клятву, которую принесла Господу нашему Христу еще в детстве?»

Прикрывая зевок, Симпсон сказал:

– Язык у нее подвешен, спорить не буду, но жили-то они из ошибочных предпосылок. Для двенадцатого века сойдет, однако не для нас же.

– Я что хочу этим сказать... Да, они ошибались, но чем современные догматы лучше? Читаем дальше?

Прествик перелистнул страницу.

– По словам книги, «ее родители не умели видеть дальше богатств мира сего». Звучит вполне современно, не так ли? Несмотря на всю черствость родителей и тяготы, Кристина оставалась, как о том всегда и говорила, Христовой невестой. Сиречь девственницей.

– В наши дни ее бы сводили к психиатру, лечить фригидность, – ухмыляясь, заметил Симпсон. – Слушай, как тут все же тесно. Даже задницу не почесать.

– Вот именно, причем сейчас ее родителей судили бы за жестокое обращение с дочерью, которая так и так пострадала бы. В скримерах полно аналогичных историй.

– Короче, дальше что?

– Продажных епископов хватало во все времена. Заручившись поддержкой одного из них, Беортред объявляет о законном браке с Кристиной и в час триумфа открыто над ней потешается. Тогда она спрашивает: «Скажи мне, Беортред, и да пребудет с тобой милость Господня, что бы ты сделал, если б вдруг пришел кто-то, отнял меня у тебя и женился бы на мне?» На это он ответил с яростью: «И минуты не стал бы терпеть, не сойти мне с этого места. Коли надо, убил бы его голыми руками». А она ему – люблю это место – она ему говорит: «А ведь ты Христову невесту похитить задумал. Смотри, кабы в гневе своем Он тебя не прихлопнул».

Симпсон хмыкнул:

– Положим, она была не дура. Но Христова невеста... Кто нынче этому поверит?

Прествик грустно ответил:

– В том-то и дело, что никто. Сегодняшние девочки-подростки на Западе теряют невинность годам к пятнадцати, да еще гордятся этим.

– Так и что с этой твоей Кристиной? Поди, в монастырь подалась?

– А куда еще ей было идти, в те-то дни? Да и сейчас тоже...

Они вновь помолчали. Затем Симпсон произнес:

– Мы хотя бы с ними лучше теперь обращаемся.

И решил, что заработал очко.

* * *

Разведмиссия «Горизонт» представила совету директоров Соединенных Университетов отчет с положительными выводами. Выполнена успешная картография подземных рек,

обнаружен также резервуар H_2O с неустановленными характеристиками. К отчету прилагалась карта Фарсиды, где синими жилками ветвилась сетка водоводов.

Оба гидролога пришли к заключению, что эта область вполне годится для заселения, во всяком случае, с точки зрения водоснабжения.

Отчет стал тем импульсом, которого недоставало для решительного старта беспрецедентного проекта: колонизации Марса.

Тут же был нанят маркшейдер по имени Моисей Баррин, которому поручили разработку участков под запланированные марсианские жилища, именуемые башнями. От него требовалось разграничить площади этих небольших поселений. Работал он по картам, составленным как миссией «Горизонт», так и по данным, которые собирал еще марсоход «Кьюриосити». Позднее Баррин попал в число первых колонистов.

* * *

Издаваемая Ватиканом газета «Послание» предупредила об опасности морального разложения на планете, где не ступала нога Христа.

В кое-каких скримерах появились мультфильмы, где бродит одинокий Иисус, бормоча себе под нос: «Эх, кого бы тут спасти...»

4

Последний вояж

Сообщение про подземные марсианские воды во многом подогрело интерес общественности к этому проекту и заставило университеты заняться им плотнее. Уже не так громко звучали заявления, что полеты на Красную планету были чистым помешательством. В Китае новые заводы занимались выпуском космопланов.

Соединенные Университеты, поначалу представленные тройкой вузов, расширили свой состав до тридцати одного члена, главным образом из США, Британии, Континентальной Европы и Китая. Они словно магнит притягивали к себе новых участников, которых в первую очередь заинтриговал гидрологический отчет про Фарсиду.

В скором времени появилась глобальная организация, чья мощь и разветвленность росла как на дрожжах. Она выступала в поддержку вещей, которые тогдашний британский премьер-министр назвал новым средневековым технопроказ. С подачи Пекина объединяющую хартию пересмотрели, добавив свежие ограничения: помимо запрета летать на Марс любому, кого заметили во флирте с религией, перекрыли дорогу всем старше сорока пяти (за очень редким исключением). Подписанты хартии обязывались каждые полгода делать отчисления в некий центральный фонд. В обмен они получали право прямого и незамедлительного доступа к любым научным находкам на той планете.

* * *

Новость об открытии, совершенном гидрологами, неслась куда быстрее их корабля. СМИ уже успели позабыть имена Симпсона и Прествика, когда лунный аванпост наконец принял позывной автоматического транспондера их крошечной скорлупки. Луна дала добро на проход в околоземное пространство.

В ответ – тишина.

Выслали аварийную партию. Ее космоплан был изготовлен за девять дней в городе Ченгон, урбанистическом поселении с сорокапятимиллионным населением.

Тем временем «Аквабатик», несший в своем чреве двух гидрологов, продолжал разгоняться, держа курс прямиком на Солнце. Спасатели пристыковались к его корпусу и подали серию вызывных сигналов. Вновь никакого ответа.

Обратились за указаниями к аванпосту; там, в свою очередь, переадресовали вопрос в Чикаго-Кризис, и уже те рекомендовали немедленное проникновение внутрь со спецоборудованием.

В корпусе «Аквабатика» вырезали лаз, куда и запустили человека по имени Уилл Donovan, одетого в подходящий скафандр. В тесном жилом отсеке он обнаружил тела гидрологов: Симпсон ничком лежал на полу, Прествик – в своей койке; оба мертвы уже несколько недель. Кожа синюшного оттенка, что на туловищах, что на лицах.

Между спасателями и ситуативным центром завязался спор: то ли оставить все как есть и пусть погибшие с миром завершат свой последний вояж внутрь Солнца – раз уж ни к чему волновать общественность этими неожиданными смертями, – то ли запечатать трупы в герметичные контейнеры и скрытно доставить на лунную медбазу для изучения.

Последняя точка зрения и победила. Тела перегрузили на спасательный корабль. Прижизненная запись их щекотливых бесед так и осталась на «Аквабатике», который уже без дальнейших помех продолжил свой путь на Солнце.

Загадочная болезнь, поразившая гидрологов, послужила напоминанием, что не только пустота грозит опасностями. Человечество само несло на себе множество метаболических организмов, которые до сих пор избежали допроса.

Как бы то ни было, сей прискорбный инцидент вынудил более тщательно подходить к подготовке крупных экспедиций, бросавших вызов космическим безднам. Всех членов экипажа отныне сажали в карантин, где их безжалостно проверяли медики.

* * *

Ракета «Зубрин» была вторым образчиком космической техники СУ, пересекавшей пятьдесят миллионов миль до Марса. Все пуски, включая этот, проводились с учетом наиболее выгодного взаиморасположения планетарных орбит. Корабль (более совершенный в сравнении с капсулой гидрологов) не нес на борту живых организмов; присутствовал лишь андронидный робот. Он выдержал как перелет, так и посадку, по завершении которой приступил к разгрузке стройматериалов, кислородных баллонов и коробок с аварийным спецпитанием, готовясь встретить будущих поселенцев.

Засим – «А теперь прошу уважаемую публику оценить мой новый фокус», – сказал бы андроид, обладай он хоть зачатками юмора – «Зубрин» превратился в буровую вышку и принялся долбить реголит в надежде наткнуться на подземную воду.

Все эти шаги были нужны для подготовки плацдарма под высадку людей, несчастных биоконструктов-слабачков, которые нуждались в воде, не говоря уже про многое другое. Но об этом чуть позже... И вообще политика живет отсрочками.

Для начала СУ, до сих пор разраставшиеся и уже вобравшие в себя московский госуниверситет, инициировали программу НИОКР-Р-Р (где последние две буквы означали «расстояния и риски»). Проблема расстояния рассматривалась как курс суровых испытаний, рассчитанный на десять месяцев, а иногда и меньше. Его полагалось пройти между Землей и Марсом. Новые, более скоростные космопланы укорачивали срок перелета. Люди еще в эпоху палеолита приучили себя иметь дело с расстояниями, коль скоро охота и собирательство понуждали к непрерывному перемещению групп и племен. На вызов, брошенный космическими дистанциями, они ответили плазменным двигателем, который в сравнении с химическим приводом делал путешествие безопаснее и короче.

Оставался еще вопрос о рисках лучевой болезни в ходе полета. Человечество знало три вида излучений в межпланетном пространстве: протоны солнечного ветра, тяжелые ионы космических лучей и недавно открытый нормон, исходивший от облака Оорта. (В тот момент нормон считался не просто полезным, а прямо-таки неоценимым явлением, сыграв роль вектора, который осеменил юную Землю спорами микроскопической жизни.)

Если на космоплан навешивали дополнительную радиационную броню, его скорость снижалась и тем самым росла продолжительность облучения. Как онкология, так и катаракты по-прежнему имели место. Уйдет не меньше столетия, прежде чем полеты на Марс перестанут считаться билетом в один конец. Одному лишь Баррину удалось проделать весь путь туда и обратно.

Все же выискивались те – причем не обязательно из числа безрассудных авантюристов, – кто ратовал за побег с Земли, которая к этому времени буквально кишела угрозами, как ветхий домишко – жуками-точильщиками, глашатаями чей-то близкой кончины, если верить деревенским предрассудкам. Взять, к примеру, безудержное размножение (ныне признанное очередным фактором глобального потепления), доселе невиданные микробы-сверхинфекты, ракетно-ядерные системы, а также агрессивно-параноидальные диктатуры. Ну положим, доведется колонистам умереть на Марсе, что с того? Они и так уже пребывали,

как выразился принц датский, в безвестном краю, откуда нет возврата земным скитальцам. Трупы завернут в полиэтилен и вынесут за внешнюю стену – мумифицироваться.

Первая партия колонистов, проспонсированная из фондов СУ, обнаружила, что страдает от множества мелких недугов, лечению которых низкая сила тяжести Красной планеты мало чем способствовала. Отважным сердцам не было причины из всех сил качать кровь при полете в невесомости. Несмотря на интенсивную программу физических упражнений, строго-настрого предписанную на борту, костно-мышечная атрофия процветала.

Нередкие переломы никого уже не удивляли – но! «О чудо! Я же стою на Марсе! Хотя бы и с костылем...» Космические малокровки, жертвы пониженного числа эритроцитов, соперничали за больничные койки временного лазарета с хромыми и косорукими инвалидами. И тем не менее они упрямо продолжали управлять машинами, которые строили постоянные базы – все под недремлющим оком Баррина.

И вот на Фарсидском нагорье встали шесть башен: Китайская, Западная, Руссовосточная, Сингатайская, Скандская и Зюйдамерская. Одни повыше да постройнее, другие покряжистее, в зависимости от уровня поддержки СУ. Между этими аванпостами человечества имела сеть связей и, разумеется, определенная настороженность – последыш былой вражды. В наиболее тесных и дружеских отношениях состояли западники и китайцы.

Оставшиеся дома с таким же интересом разглядывали снимки застроенной Фарсиды, как и картинки Земли над лунным горизонтом в свое время – или вечно популярных котят с бантиками.

5

О форме СУ-существования

Выбор места поселения и даже глобальная продажа его фотоснимков прошли не без участия Мангаляна. Под его руководством марсианское СУ-предприятие прогрессировало быстрыми темпами.

К этому он имел несомненный талант. Смычка НАСА-Пекин обладала устойчивой организационной базой для терпеливого профессионального планирования проектов, чей период плодоношения наступит лишь годы спустя. СУ вступили в альянс с НАСА и выиграла от этих проектировочных ресурсов. ТанDEM НАСА-СУ инициировал уйму интервью и экспертиз, посвященных непрерывному отбору тех представителей обоих полов, которые были готовы доказать свою пригодность на роль добропорядочных граждан далекой планеты. Заявки принимались только от интеллектуалов и любителей всяческих авантур – «от очкастых нудил и отвязных чудил», как любили выражаться в новостных визгунах.

Прошедших отбор вузовский союз наделил невозвратными сертификатами. Многие уже оценили собственные перспективы на жизнь в фарсидских башнях и смирились с невозможностью вернуться на Землю. Поток кандидатов в отряд колонистов не иссякал.

Через четыре года одна из ответственных сотрудниц штаб-квартиры Мангаляна лично прибыла на Марс. Звали ее Розмари Кавендиш, однако она предпочла взять имя поскромнее да покороче – Ноэль. Дело в том, что один из свежеиспеченных отделов НАСА-СУ выступил с инициативой менять земные имена на новые, сгенерированные компьютером специально для использования на Марсе. Своего рода символ свежего старта, к тому же ожидалась некоторая экономия денежных средств. Первое время система была в ходу, однако потом ее свернули из-за неразберихи: слишком многие отказывались откликаться на новые прозвища.

Розмари/Ноэль играла важную роль в мангалянском марсотеатре. Сразу по прибытии ее назначили комендантом Западной башни.

Словом, колонизационный процесс уверенно шел к своему замечательному апофеозу.

Минуло сколько-то лет. На подмостки истории вышли Бернард Тиббет и его партнесса Лулань. В прошлом Лулань занимала пост президента Гарвардского университета, а Бернард соответственно был главой Гарвардской бизнес-школы. Теперь его выбрали официальным банкиром⁶ и президентом СУМ, Соединенных Университетов Мира. Невысокого росточка, но с мертвой хваткой, он за свою настырность получил прозвище Терьер. Его партнессу – даму, не терпевшую слабостей, – за глаза называли Серой Волчицей. Человечеству – или Великому Некастрату, как его именовала сама Серая Волчица, – совсем не подобает скорбеть на похоронах. Напротив, это повод для праздника: минус еще один любитель размножаться и лишний рот.

Эта внушающая трепет парочка инвестировала в марсианские башни не только свои деньги или общественный статус. У Терьера имелась младшая сестра, некогда известная под именем Долорес, а ныне обретавшаяся на Марсе и переименованная в Шию. Терьеру сообщили, что она беременна, хотя Шия пробыла на Красной планете всего-то пару-другую месяцев, причем, как ни странно, имя оплодотворителя осталось за скобками. Будущую маму окружили доброй врачебной заботой, переселили в пренатальное отделение и посадили на спецдиету. Все надеялись на благополучные роды.

⁶ В том смысле, что он был хранителем всевозможных завещаний и приказов. – *Примеч. авт.*

* * *

Новость о родовых схватках сестры-колонистки застала Тиббета в разгар публичного выступления. Он тут же обеспокоился состоянием ее здоровья, однако был вынужден остаться на мероприятии.

Шло плановое совещание. В тот день присутствовал также один почетный гость, а именно Баррин. Перед делегатами он появился в инвалидном кресле. Человек побывал на Марсе и успешно вернулся домой. Английский король пожаловал его медалью, чеканенной исключительно в честь этого события. Баррин поклялся, что вновь присоединится к своим коллегам на Марсе, но с этим не хотели соглашаться его ноги. Мало того, что-то неладное творилось с дыханием. Его легкие, к примеру, уже успели оснастить химическим насосом.

– Нас в СУМе, – говорил Тиббет, хмуро потирая подбородок, – ни на минуту не оставляет озабоченность теми расходами, в которые выливается марсианская операция. Нужны новые транспортные средства, дополнительный космофлот для доставки более крупных партий груза. Не исключено, что как раз эта стратегия позволит радикально снизить количество рейсов, тем самым сократив число дорогостоящих ракет, которые просто лежат на Марсе и ничего не делают. О, если хотя бы половину военного бюджета – коль скоро этически неоправданное, близорукое вторжение в Казахстан и бомбардировка Алматы, слава Богу, уже в прошлом – можно было вложить в строительство улучшенных планетолетов с двигателями повышенной эффективности... Ну как вы сами знаете, на Ченгонском заводе уже идут эксперименты. Готовится и соответствующий рекламный буклет. Мы просто обязаны протолкнуть его в СМИ, всучить визгунам и пискунам, не то новость будет задавлена. Напоминаю, что мы уже находимся на этапе планирования.

После коротенького кофе-брейка на трибуну поднялся ректор Южноафриканского университета, чтобы выразить несогласие с политикой запрета на возвращение с Марса.

– Я считаю, что это пунитивная статья договора. К нам пришло бы гораздо больше желающих слетать на Марс, если бы им разрешили вернуться домой по истечении... ну, скажем, шестимесячного срока пребывания.

Ответное слово взял представитель Оксфорда:

– Те, кто принимает решение переселиться на Марс, обязаны покидать Землю как изгои. Категорически невозможно профинансировать предлагаемые вами поездки туда-обратно; затраты торпедируют все наши цели. Кроме того, введенный запрет автоматически отсеивает слаонервных. А нам как раз нужны только смелые да умные. Совсем скоро, смею надеяться, на Фарсиде запищат младенцы. Вот кому быть гарантами серьезности наших намерений.

Зал одобрительно загудел. Ну как же, как же: младенцы! Куда же без них? Ни тебе будущего, ни долгосрочного планирования.

Увы, здесь-то и таились корни трагедии.

Другие вопросы тоже вызвали разногласия. Тиббет подвел черту под одним из разгоревшихся споров.

– Мы приветствуем решительные меры, предпринятые нашими южнокитайскими коллегами в отношении чрезмерного прироста населения. Я знаю, что когда госпожа Бань Му-гай сменит меня на этом посту в октябре, она поддержит и даже дополнительно акцентирует наш недавний доклад о ситуации в субсахарской Африке, которая до сих пор лидирует по темпам размножения и скоротечности жизни.

С кресла немедленно сорвалась представительница Гавайского университета и горячо запротестовала: дескать, надо попросту активнее заниматься ликбезом женщин Черного континента.

Тиббета заявление не тронуло.

– Как показывает опыт девятнадцатого века, колониальные вторжения в Африку лишь усугубили ситуацию. Этот регион должен сам решать свои проблемы. В прошлом туда вбухали миллионы на программы помощи, а толку почти никакого. Швырять деньгами в коррупционеров не просто бесполезно, а прямо-таки вредно. Любые интервенции и вмешательства, хоть криминального свойства, хоть филантропического, следует запретить под страхом уголовного наказания и неподъемного штрафа.

Тут с места раздался еще один голос. Руку вскинул не кто иной, как Баррин.

– Сэр, я прилетел с Марса, чтобы принять участие в этом совещании, а также других всемирных форумах. Мое имя Баррин. Если я правильно понял, вы призываете СУ покинуть Африку, и пусть она в одиночку разбирается со своими бедами. Боюсь, что столь безжалостный прецедент не даст и нам, марсианам, спокойно спать по ночам: а вдруг мы тоже лишимся финансовой поддержки?

– Мы вам рады, сэр, – промолвил Терьер, обращаясь к Баррину. – Хочу заверить, что ваши опасения беспочвенны. Марсианский проект, предложенный Мангалином и поддержанный НАСА-Пекином, в повестке дня Соединенных Университетов всегда стоял пунктом номер один. И будет стоять. Ведь от его успеха зависит и будущее сей замученной планеты. Позвольте напомнить – не только вам, но и всем присутствующим, – что к объединению нас подвинули как раз ускоряющиеся темпы прироста населения. Человечество растет числом еще с середины четырнадцатого века, но лишь в прошлом столетии – за что спасибо медицине и удлинению детородного периода – этот процесс принял угрожающие... Да куда там! Поистине невыносимые пропорции. Мы живем как сельди в бочке, ходим друг у дружки по головам. Существование превратилось в муку. Как однажды выразился наш коллега Ли Гуань-ши – и эта фраза стала крылатой: «Ребята, пора валить!»

Шелест удовольствия облетел аудиторию. В тот период, когда накал борьбы за создание марсианской базы достиг своего апогея, этот нестареющий лозунг помог выиграть битву.

Затем, обращаясь непосредственно к Баррину, Терьер сказал:

– Ваш предварительный отчет запланирован на послеобеденную сессию. Возможность выступить представится ровно в четыре пополудни. – После этого он вернулся к основной теме: – Проблемы множатся день ото дня. Североамериканский филиал нашего Статистического бюро сообщает об учащении случаев распространения микробов-сверхинфектов, о дальнейшем росте дефицита продовольствия и питьевой воды. Кроме того, как известно, почти полностью вымерла популяция пчел, а попытки воспроизвести их экологическую роль искусственным путем провалились. Между тем продолжительность жизни на Западе продолжает расти, и одновременно с этим падает уровень социальной толерантности к особям старше девяноста пяти лет. Мы категорически должны принять резолюцию по данному вопросу и... Прошу прощения!

Сработал его визгун. Поднося аппаратик к уху, Тиббет напомнил ему, что уже давал распоряжение не беспокоить.

Сообщение было доставлено в беззвучной форме. Тиббет застыл, уткнувшись взглядом в стол. Затем, словно беря себя в руки, встрепенулся и знаком пригласил к подиуму Баррина. Шепча тому на ухо, он прикрывал рот рукой.

– Думаю, объявление лучше сделать вам. Сестра-то моя, но епархия ваша. Итак, отличная весточка. Давайте мы ею скомпенсируем новости плохие.

Баррин запротестовал. Терьер настоял.

Развернувшись вместе с инвалидным креслом, Баррин обратился лицом к аудитории. Говорил он с дрожью в голосе:

– Эта семья знакома мне по Фарсиде. Партнессу зовут Шия. А его – Фипп. Шия только что разрешилась от бремени живым младенцем. Живым младенцем! Мы бесконечно рады этому известию.

Реакция зала была неоднозначной. Многие приятно улыбнулись. Немногие, но лучше информированные, скептически поджали губы.

Баррин тем временем продолжал:

– Кое-кто из вашего высокоученого сообщества давно уже в курсе, однако тысячи обычных людей до сих пор держали в неведении... Сейчас, однако, я должен открыто сообщить, что вплоть до этого момента все роды на Фарсиде заканчивались неудачами. Плоды появлялись на свет с переломанными костями, деформированные, бездыханные...

Он сглотнул слезы.

– Да-да, переломанные и бездыханные, кто-то безногий, кто-то с черепной коробкой толщиной с яичную скорлупу, кто-то без головного мозга... Ваш президент сказал, что именно мне следует обнародовать фактические цифры. В Западной башне состоялось лишь восемьдесят пять родов. Точнее, мертворождений.

В зале раздались ошеломленные возгласы.

– Вот именно. Мертворождения. Восемьдесят пять патологически деформированных мертвых младенцев. Я... я не могу вам передать, до чего это страшно.

С места выкрикнула какая-то женщина:

– Как? Почему? Как вообще такое допустили?!

Баррин успел потерять дар речи. Инициативу принял на себя Тиббет – он продолжил тему, сиюсь сдержав эмоции:

– Число подобных несчастий за последние годы значительно снизилось, но лишь потому, что фарсидки теперь отказываются беременеть из страха, зная, к чему это практически наверняка приведет. Мы все считаем, что Шия вытянула невероятно счастливый билет. Ее ребенок жив. Он появился на свет лишь пару часов назад. К сожалению, с некоторой патологией. В этой части мы сохраним конфиденциальность, не станем предавать огласке. И все-таки самое главное: у нас наконец-то появился живой марсианский ребенок!

Большинство присутствующих встретили эти слова бурей оваций и стоя. Затем посыпались вопросы. Восемьдесят пять мертворождений! Как так вышло?

6

Мангалян и божьи коровки

В небольшом дворике за одним из корпусов Сорбонны стоял дубовый стол. Знаменательная новость о появлении ребенка еще не достигла Парижа, и Мангалян в полном неведении сидел на лавочке, наслаждаясь минутой покоя. По приглашению университета он выступал здесь перед слушателями курса наук о Земле, читая лекции о колонизации и тех достоинствах, которые несла с собой жизнь на Марсе, или, как он выражался, «в новом старом мире». После обеда имел место диспут между Мангаляном и Адрианом Амбуазом, с одной стороны, и группой немецких и китайских ученых – с другой. Тема: необходимость марсианского проекта в целом.

Солнечные лучи омывали дворик мягким светом и теплом. Из стыков каменных плит, которыми он был замощен, пробивались мелкие былинки. У ноги Мангаляна тянулся к небу тоненький желтый цветок с крошечными игольчатыми лепестками и мохнатой сердцевинкой размером с младенческий ноготь.

Сам Мангалян был занят безмятежным разглядыванием божьей коровки. Жучок по листьям переполз на плиту и заторопился перебраться на очередной стебелек. Достигнув его, он взобрался повыше, расправил крылышки и улетел.

Мангалян задался вопросом: а что двигает этим насекомым? Способно ли оно испытывать довольство или досаду? Чем питается? Как умирает? Ему еще не доводилось изучать подобные вопросы, хотя он подозревал, что в общем и целом насекомые проходят путь от личинки до взрослой особи, которую он только что наблюдал. Кстати, что испытываешь, претерпевая такое превращение? И подвергнется ли человечество столь же радикальной трансформации на Марсе? Что может произойти с Розмари – той самой, что упорхнула отсюда под стать божьей коровке?

В это мгновение – пока к нему со стороны учебного корпуса направлялся какой-то человек – он вдруг сообразил, что у жучка не было крапинок на панцире. Странно. Раньше ему казалось, что у всех божьих коровок обязательно бывают крапинки. Должно быть, очередной эволюционный шаг: приспособление к жизни в Париже...

Подошедший мужчина с улыбкой стоял перед Мангаляном. Это и был Адриан Амбуаз, профессор медицины при Сорбонне. В возрасте около сорока пяти, поджарый, с небольшими усиками. В мантии. Его отец в свое время работал в мюнхенском Институте Макса Планка, где полюбил, а затем сделал своей женой элегантную немку, чьи исследования привели позднее к открытию нормона.

Мангалян восхищался отцом Адриана, равно как и его интеллектуально развитой матерью. И как правило, наслаждался беседами с самим Адрианом. Сейчас, однако, он хотел лишь, чтобы его на часок оставили в покое. Впрочем, он поднялся навстречу, и мужчины обменялись рукопожатием.

– Извините, что помешал вашим грезам.

– Ничего страшного. Я всего-то размышлял о божьих коровках.

Адриан недоуменно заморгал и после секундного замешательства сообщил:

– Мне тоже нравятся женщины.

– Чем могу быть полезен? Может быть, хотите подать мне заявление о приеме в марсианскую команду?

Мангалян говорил в шутовском тоне, уже расслабившись на солнышке и не испытывая тяги к беседе. Он вспоминал Розмари Кавендиш, сожалел о собственной неприступности. С другой стороны, и в ее поведении читалась своего рода заносчивость. Ну да чего теперь

рядить, было да прошло, словно сон... Пять лет уж минуло, как Розмари оставила Землю ради своих фарсидских занятий.

— Увы, месье, я пришел к заключению, что идея о жизни на Марсе есть не что иное, как химера. — Адриан Амбуаз старательно демонстрировал сожаление, в том числе изящной, полной личного достоинства позой. В официальной профессорской мантии, с вежливой улыбкой на устах, он стоял и сверху вниз выжидательно глядел на Мангаляна, который и не думал подниматься со своего места. — Я поддержал вас в диспуте, но вот личное участие... Нет уж, увольте. Пусть здесь, на Земле, вечная сумятица, путаница и междоусобица, ну а на Марсе что? Вечная скука? И неразрешимая проблема мертворождений?

— И все-таки, Адриан, стоять на той молчаливой планете... Разве это не успех, не достижение прикладной науки? Ведь эту мечту лелеяли столетиями, и сейчас она уже не просто мечта — это скорее сон наяву, который вот-вот...

— Да-да, конечно. В свое время люди сочиняли истории с привидениями, однако уже лет двести пишут рассказы, которые вы, наверное, поспешите окрестить научной фантастикой — сплошные надуманные приключения, о чем зачастую свидетельствует их невдохновленный стиль.

— Ах вот как? Вы, стало быть, не только врач, но и литературный критик? — скривив губы, отвечив Мангалян, глядя куда-то вдаль.

— Нет-нет, я просто хочу сказать, что в этих повестях не видно подлинной работы мысли, они всего лишь пытаются развлечь сенсационностью неких завоеваний или катастроф. Несерьезное, поверхностное сочинительство.

Мангалян не мог допустить столь огульного охаивания.

— А знаете, сэр, мне в детстве — я в ту пору еще жил на Сан-Сальвадоре — попала на глаза одна книжка, сочиненная неким Гербертом Уэллсом. Позднее я узнал, что он был знаменит и весьма уважаем, пусть даже писал о несуществующих вещах. Конкретно та книжка называлась «Война миров», хотя лично я назвал бы ее «Война против Уокинга», о котором я до той поры и слыхом не слыхивал. Так вот эта история еще как критикует человечество. Если угодно, считайте это наказанием, поркой. Вот вам пример настоящей художественной прозы, или аналогии. Без героя — потому как если он и сыщется, то окажется болезнетворной бациллой.

Амбуаз сверлил взглядом небо, словно надеялся, что раздражение уйдет столбом пара в тропосферу.

— Уэллс был исключением. Наказанием, как вы изволили выразиться. И чего бы там ни утверждала поговорка, это вовсе не подтверждает правило. Сразу по выходу книги Уэллса один из американских журналистов написал продолжение, в котором целая флотилия ракет под командованием не кого-нибудь, а самого Томаса Алвы Эдисона вылетела к Марсу и... как там говорится по-английски?.. и разодрала им всем задницу? Извольте видеть, никакого морализаторства, одно лишь насилие. Уэллсовская ирония потонула в агрессии.

Мангалян ничего не ответил, только вдохнул. Наступила тишина.

Амбуаз с тревогой решил, что гость мог обидеться.

— Пожалуйста, поймите, я ничего не имею против фантазии как таковой. Если на то пошло, я сам в детстве зачитывался «Шпагой Рианнона», чье действие разворачивается как раз на Марсе. Романтика в чистом виде, из всех целей — просто создание изящной истории. Кстати, если мне не изменяет память, там не было ни одного сложноподчиненного предложения. Я не сноб. Мне нравилась эта книга.

У Мангаляна окаменело лицо.

— Еще какие темы желаете обсудить?

7

Забота о ребенке

– Прошу прощения, – ответил Амбуаз. Впрочем, руки он сунул при этом в карманы, намекая тем самым, что извиняется не вполне искренне. – Я просто хотел сказать, что насквозь фальшива любая идея о том, что человечеству – включая женщин, которых мы с вами так обожаем, – следует перебраться на Красную планету. Ведь при этом людскому роду грозит не только верное вымирание, но и более серьезная опасность.

– Другими словами?

– Постараюсь коротко. Вы в своих Соединенных Университетах внедрили селекционную процедуру, согласно которой в полет отправятся лишь интеллектуалы да смельчаки с уравновешенной психикой, и, стало быть, наш мир их потеряет. А ведь они страшно необходимы здесь. Именно в таких людях мы и нуждаемся, месье. У нас, знаете ли, дефицит отважных и добрых.

С ближайшей стены прыгнул полосатый кот и уселся напротив, держа лапки вместе и внимательно разглядывая собеседников, будто собрался вершить над ними суд.

– Я понимаю, о чем вы, – ответил Мангалян, – а вот, скажем, университеты Бордо и Тулузы – нет, раз уже присоединились к СУ.

Амбуаз отмахнулся и от Бордо, и от Тулузы.

– Замечательные люди необходимы как раз тут, если мы хотим хоть на что-то уповать. Они являются залогом более здорового будущего. Дайте нам не ракетно-ядерные системы, а системы цивилизованного существования. Вот в чем состоит моя надежда.

– Надежда? Так ведь именно надежда и преодолевает все препоны и влечет на Марс. Колония уже продержалась... десять лет. Согласен, пока что, увы, ни одного живого младенца, но... Вы надеетесь чуть ли не на чудо, потому как видите, что этот наш мир – старый, изношенный мир – по-прежнему лишен здравого смысла или равновесия, несмотря на всех тех мудрецов и доброхотов, что в штанах, что в юбке, которые в нем отличились за минувшие столетия.

Амбуаз вздохнул:

– Да. И не будем забывать о миллионах, ведущих тихое скромное существование. Кто выполняет мелкую, но нужную работу ради невезучих. Скажем, кормит с ложечки инвалидов или читает вслух безграмотным в каких-нибудь скверах, на улицах или прямо у них в халупах. Но ведь они, может статься, и не утруждают себя надеждами, живут одним днем.

– А вот это, сэр, сущее расточительство ресурсов. Растительное прозябание. Куда лучше жить пессимистом, печься о судьбах мира, алкать чего-то другого, надеяться на новый шанс, быть вечно неудовлетворенным. – Мангалян умолк, на секунду захваченный воспоминаниями. Упустил Розмари, дал ей уйти; от нее осталось только имя... – Знаете, я вырос в большой семье, среди братьев и сестер. Мы были счастливыми сорванцами. Жаловались: мол, не хватает нам простора, приходится жить на крошечном Сан-Сальвадоре. Отличные пловцы, о да, но никудышные мыслители. Пожалуй, это и подстегнуло меня в зрелом возрасте восстать против оков нашей маленькой планеты.

– Марс-то еще меньше, – напомнил Амбуаз, притворно улыбаясь.

– Зато площадь его поверхности почти совпадает с площадью суши у нас.

Не вынимая рук из карманов, Амбуаз задумчиво прошелся туда-сюда, порой наступая на собственную изломанную тень. Кот опасливо подался в сторонку.

– Мы топчемся чуть ли не на месте, мистер Мангалян. Альберт Эйнштейн как-то заметил: «Извлекай уроки из прошлого, живи ради сегодняшнего, надейся на завтрашнее».

Моя надежда тоже относится к будущему: пусть СУ останутся на месте, они действительно полезны, но перестаньте отправлять в ссылку людей, которые составляют нашу надежду на завтрашнее.

Мангальян раздраженно бросил:

– Какая же это надежда? Сплошной алогизм. Вы вообще, сдастся мне, ни на что не надеетесь. Вы попросту боитесь. Если я и согласен с этим вашим Альбертом, то как раз в той части, что я действительно надеюсь, стремлюсь, тружусь ради нового и лучшего существования на нашем соседе.

Амбуаз натянуто рассмеялся:

– А вот я, будучи любителем верховой езды, ни за какие коврижки не перееду на Марс. Говорят, там жуткая нехватка луговой травы.

Мангальян дернул плечом:

– Возможно, наши потомки со временем найдут себе место далеко-далеко от скромненького марсианского мира. Человек всегда будет стремиться к лучшему пониманию. Да, мы знаем, что поначалу условия будут не ахти какими, но нас ждет безусловный триумф.

– «Не ахти какими»? Да они попросту невыносимые!

– Вот видите? Нет у вас никакой надежды. Так или иначе, я не в силах остановить то, что вышло за рамки моего контроля. Свои страхи вам следует озвучить где-то в другом месте. Загляните на очередное заседание в СУ. Мне надо идти. Договоренности, знаете ли.

Он сухо кивнул профессору медицины, поднялся и покинул дворик. Кот сопроводил его до самых ворот.

Снаружи Мангальяна поджидал вооруженный охранник по имени Ят. Он заботился о своем подопечном, как родитель о ребенке.

А Мангальян в пору своего босоногого детства, задолго до того, как в голову пришла мысль начать охотиться за юбками, безусловно, любил своего отца.

На маленьком острове Сан-Сальвадор выращивают сахарный тростник. Отец Мангальяна подвизался издольщиком, которому по достижении шестидесяти лет дали пинка без пенсии и даже без выходного пособия – как, собственно, и было принято в ту пору. Он ходил, опираясь на выкрашенный в белое посох выше собственного роста. Передвигался медленно, чтобы за ним мог поспевать сын.

Отцу нравилось прогуливаться у моря. Вдвоем они вышагивали по набережной, вдоль вереницы лавочек с тростниковой крышей, и наконец достигали самого последнего домика, где располагалось небольшое кафе.

Там они усаживались под внушительным тентом. Отец заказывал колу. Иногда они беседовали. Отец любил сыпать старыми поговорками, например: «Дурак не всегда глупее других». Или: «Если человек готов на все, вовсе не значит, что он ни к чему не годен».

Вцепившись обеими руками в посох, он мог часами сидеть и слушать крики чаек или смотреть на прибой.

Во время одной из таких прогулок Мангальян прошлепал босыми ногами внутрь заведения, чтобы купить вторую бутылочку колы. На полке за барной стойкой жестяным голосом бубнило радио. Передавали последние новости:

«Астрономы-капиталисты из Тампы, штат Флорида, только что объявили, что мы не одиноки. По их словам, мы живем в бинарной системе и сестринская карликовая звезда находится за облаком Оорта. Между тем полиция сообщает о задержании Толстомордика, который был схвачен прошлой ночью при попытке удрать на катере на Кубу. В ответ на предъявленное обвинение в убийстве стриптизерши Франчески Паньеза арестованный заявил...»

Держа бутылочку перед собой, Мангальян подошел к отцу.

– Пап, что такое бинарная система?

– Сынок, это когда чего-то по два. К слову, чем больше знаешь, тем больше появляется непонятного.

Над головой словно в издевку орали чайки.

Мальчик уставился на песок между голыми пальцами. Позднее, уже в зрелом возрасте, Мангальян любил повторять, что якобы именно в этот момент твердо решил покинуть остров, перестать ходить босиком и приступить к изучению астрономии и прочих вещей, которыми, судя по всему, капиталистический мир был набит под завязку.

Да, он любил об этом рассказывать. Утверждал, что до сих пор чувствует на языке вкус той колы. Впрочем, память – штука ненадежная, хотя сама эта побасенка приходилась очень кстати на светских приемах и прочих грандиозных мероприятиях.

«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ НА КРАСНОЙ ПЛАНЕТЕ»
«ВОДЫ НАБРАТЬ НЕГДЕ – НО КУПЕЛЬ ГОТОВА»
«“ЧУДО!” – ЛЕПЕЧЕТ ОШЕЛОМЛЕННАЯ РОЖЕНИЦА»
«УРА, ЭТО МАЛЬЧИК! МАЛО ТОГО – ЖИВОЙ»

Вот с какими заголовками вышли визгуны и пискуны по всему миру, задвинув другую захватывающую новость: в итальянских водах вблизи Катанцаро расстреляны девятьсот беженцев из Африки, нелегально пробиравшихся в Европу.

Потихоньку начали появляться иные известия, хотя Марс по-прежнему фигурировал на первых полосах.

«КУВЕЙТ В ОГНЕ – ПОВИННЫ СЕГРЕГАЦИОННЫЕ МЯТЕЖИ»
«ПАРТНЕССА ИТАЛЬЯНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА ОТРАВЛЕНА!»
«ДВАДЦАТЬ МИРОТВОРЦЕВ ООН УБИТЫ В СТАНИЦЕ
КАЛМЫЦКАЯ»
«ФАРСИДА ПРАЗДНУЕТ ДЕТОРОЖДЕНИЕ»

По правде сказать, фарсидская колония не так уж бурно и радовалась, о чем Терьер узнал в ходе беседы по визгуну. А дело в том, что в Западную башню прибыла с поздравлениями китайская делегация. Еле подавляя клокодавную ярость, Фипп встретил китайцев у шлюза. Из местных ему передавали приветы и добрые пожелания лишь те, кто был не в курсе или просто хотел поиздеваться: Шия-то давно с ним рассталась и завела себе другого любовника. Чудо-ребенка сделал ей некто пожелавший остаться неизвестным.

Шия отказывалась сообщать имя отца, к тому же находилась в ослабленном состоянии, требовавшем врачебного ухода. Младенец лежал рядом. Желтого цвета и с родовой патологией. Через маску из оргстекла его подпитывали кислородом.

– Да, но как там сама Долорес? – спросил Терьер.

Слова летели до Марса двадцать минут, после чего еще двадцать уходило на ожидание ответа.

«Несколько подавлена, но держится молодцом. Ребенок до сих пор жив. Хотя по-прежнему без сознания», – вот что сообщила сиделка, которая затем нажала кнопку отбоя.

Тиббет понял, что должен немедленно выпить чего-то покрепче.

* * *

Дэйз и Пигги, младшие из трех детей, которых Шия родила еще на Земле, сидели у ее больничной койки, встревоженно перешептываясь. Сквиррел, старший из всех, пока что не объявлялся.

Когда Фипп ввел делегацию внутрь, один из китайцев адресовал ему любопытствующий взгляд. Вспыльчивый смотритель шлюза тут же ощерился:

– В чем дело?

– Да так, ничего, – пожал тот плечами. – Вас надо поздравить, ведь ребенок живой. Отчего же вы не радуетесь?

Вместо ответа Фипп схватил его за горло и затряс как грушу.

Всеобщая суматоха. В палату ворвались охранники. Китаец ударил своего обидчика, а затем, сколько Фипп ни отбивался, его выволокли в коридор.

– Ты что себе позволяешь, кретин? Китайцы наши друзья!.. Были.

– Слушайте, какой-то скот увел мою партнессу. Вот я и подумал: а вдруг это он? Вы бы видели, как он на меня пялился! Можно сказать, ржал прямо в лицо!

– У тебя паранойя. Чего ради она пустит китайцев к себе в постель? А потом, ты для Шии не хозяин и не рабовладелец. У нас такие вещи не проходят. Считай наш разговор сеансом психоанализа... Ах да, чуть не забыл: ты уволен.

Новость об инциденте тут же облетела поселение. Никто так не радовался аресту Фиппа, как его сын Сквиррел. Тем не менее паренек никак не мог найти в себе силы навестить мать в больнице. Подумать только: всего лишь полчасика запретного удовольствия – и он опозорен на веки веков. Да-да, опозорен, пусть даже именно ему Марс обязан первым живым младенцем.

Поди теперь расскажи кому...

8

Смерть героя

В карете «скорой помощи» Бернارد и Лулань сопровождали Баррина до больницы Святого Томаса в самом центре Лондона. Их гость вдруг потерял сознание, едва совещание закончилось. Здания больничного комплекса были обнесены сплошной бетонной стеной высотой под три метра. С крыш выглядывали вооруженные люди. Террористы-смертники принялись атаковать больницу чуть ли не с момента доставки Баррина, не обращая никакого внимания на случайные жертвы.

Эти правоверные действовали в полном соответствии со словами Корана, а именно: «...вы не ослабите ничего на земле и небе; и нет вам помимо Аллаха заступников и помощников! А те, которые не веруют в знамения Аллаха и встречу с Ним, – они отчаялись в Моей милости. Они – те, для которых мучительное наказание»⁷.

И было ответом его народа на появление марсианина только то, что они сказали: «Убейте его или сожгите!»

Баррина поместили в отдельную палату; медики немедленно взялись за сердце и легкие больного. Пока шел анализ, пациент лежал, подключенный к аппарату искусственного дыхания, а ниже поясницы действовал местный наркоз. Как выяснилось, сердце слишком ослабло и не могло качать кровь в условиях повышенного земного притяжения.

– Боюсь, не получится... – прошептал он женщине-врачу, которая им занималась. Баррин не ослеп, но не мог сфокусировать зрение. Рядом с ним сидела расплывчатая тень. – ...выжить, – наконец выдавил он.

– Вас надо немножко подремонтировать, – ободряюще промолвила врач. – Вы смелый человек. Смотрите-ка, даже с медалью. Межпланетные путешествия ударяют и по организму, и по интеллекту.

– О нет, мадам, только не по интеллекту. – Наступали его личные сумерки. – Космос для того и создан, чтобы по нему летать. – На последнем слове голос Баррина замер: не хватало дыхания. – В ко-о-нце концов... мы все... продукт космоса. – Сказал ли он то, что действительно хотел? Речь превратилась в сплошное мучение. – Продукт компаса, – пробормотал он, решившись на новую попытку. В горле свистело и клокотало.

– Про... – еле выдавил он. И затем: —...клятие, – голосом человека, катящегося по смертному склону.

Взяв больного за руку, врач подарила ему внимательный взгляд.

– Хотите сказать, что мы в какой-то степени мечта космоса? Пусть это противоречит моей профессии – я имею в виду лечение людей, – порой я ловлю себя на мысли, что мы, в сущности, иллюзорны.

Баррин лишь хлопал глазами, словно намекая, что сам является первейшим примером чего-то иллюзорного.

– В конце концов, те религии, которые не требуют поклоняться истуканам, предписывают молиться на иллюзорных богов, неких чудищ, которых не видно и не слышно, которые очень напоминают выдумку, хотя по идее должны управлять всем миром. Взять хотя бы христианского Бога. Может статься, в каком-то смысле и мы для него иллюзорны. Создали его по своему образу и подобию, а вовсе не наоборот, как утверждает Библия.

Баррин смежил веки. Он не настолько здоров, чтобы выслушивать подобные избитости. В ушах гулко бухала кровь.

⁷ Пер. И.Ю. Крачковского.

– Но ведь... – начал было он и задохнулся. Даже не знал, чем закончить предложение, – ...ведь...

Влажной салфеткой врач обтерла ему лоб.

– Меня всегда удивлял один пассаж из платоновского «Государства». Насчет теней в пещере? Вы-то наверняка помните.

Окончательно раздражаясь, он прошептал, что и слыхом не слыхивал о Платоне, в надежде, что она заткнется.

Врач явно держала его за очень важную персону, тем более отмеченную королевской медалью. Слетал на Марс и обратно – это ли не причина для уважения? Хотя ей и казалось, что за этим иррациональным (как она считала) поведением стоит иллюзия.

Пока она пересказывала платоновскую аналогию, Баррин погружался в дрему.

Аналогия и впрямь поразительная, причем настолько, что прожила двадцать пять столетий. Итак, группу людей держали в пещере с малых лет. Мало того, они не могли вертеть головой и были вынуждены все время смотреть вперед. («Прямо как мы», – добавила она.) За спиной у них горели яркие огни, а между этими огнями и узниками располагался приподнятый мостик. По нему ходили свободные люди, отбрасывая тени на стену, куда и были вынуждены все время пялиться несчастные. В рассуждениях о жизни они ссылались на эти тени как на реальные – единственно реальные – предметы. Какими только смыслами они их не наделяли...

– Как видите, дорогой мой Баррин, истина может оказаться на поверку всего лишь тенью.

Он ничего не ответил. Врач пощупала его запястье. Пульса не было.

– Вот и я разговариваю с тобой, а от тебя осталась только тень, – с печалью добавила она.

* * *

По возвращении с работы врач сидела со своим партнером у фонтана в саду, грустноковыряясь в легком ужине. В зарослях буддлеи затаились бабочки, а на кусте рододендрона – поползень.

Она промолвила:

– Баррин был первым – и единственным – человеком, сумевшим вернуться с Марса. Как ты думаешь, не следует ли начать сбор пожертвований ему на статую? Это лучше чем медаль, которую почти никто не видел... Ты не считаешь его достижение выдающимся?

– Дорогая, гаспачо едят холодным.

* * *

Кончина Баррина заняла массу эфирного времени и пространства. Другим претендентом на всеобщее внимание была внезапная оккупация Гренландии руссомузыкальными силами. Впрочем, претендентом несущественным: как ни крути, а особо популярным туристическим курортом Гренландию не назовешь. Лидером вторжения, а ныне президентом страны, был некий полковник Кетель Майбаржи. Он заявил буквально следующее: «Мы взяли Гренландию под контроль во имя духовных ценностей, что, как мы искренне считаем, пойдет местным жителям только на пользу».

Другие государства, по горло увязшие в собственных проблемах, охотно согласились поверить этим словам, – понятия не имея, что оставшихся гренландцев уже можно пересчитать по пальцам.

9

Жизнь в иных пределах?

Визгуны без устали выдавали неприятные известия.

На Ближнем Востоке президент Идуита Ганэ признался – скорее даже похвастался, – что именно по его приказу фанатики осквернили Вестминстерское аббатство: оно якобы превратилось в прибежище для геев. Пришла и более серьезная новость: небольшой университет в тибетской Лхасе по собственному почину вышел из состава СУ, ссылаясь на дефицит средств. Поскольку вуз находился под прямым китайским влиянием, все сочли этот поступок первой птичкой отмщения за нападение на делегата в Западной башне.

Пришло сообщение и о контрмерах. Группа флоридских университетов, входившая в СУ как целостное объединение под названием «Тампа», провозгласила начало юбилейных торжеств по случаю открытия Немезиды, сестринской звезды нашего Солнца. В качестве жеста доброй воли они посулили Лхасе материальную помощь. «Предложение рассматривается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.